

Елена
КАЛАШНИКОВА

г. Петрозаводск

ГОРОД. *Времена года*

Уже в вагоне поезда, возвращаясь из командировок или длительного летнего вояжа, я испытываю нарастающее чувство беспокойства, предощущение, предвкушение встречи со своим городом. Выхожу на платформу, просачиваюсь сквозь вокзал, иду по главному проспекту и удивляюсь неправдоподобно игрушечным зданиям и крошечным улицам (а город-то где?), бесцветности неба, сумеречным краскам, прохладе и свежести воздуха, безлюдью и спокойствию. Тишь да гладь, да божья благодать.

Как во многих населенных местах, так и у нас, в провинциальной столице, от вокзала тянется центральная улица, носящая имя вождя российского пролетариата и рассекающая город на две части. «Сталинки», «хрущевка» и гостиничный комплекс-новострой забрали в клешни привокзальную площадь, в центре которой однажды ненадолго обосновался клон-макет Биг-Бена.

По завершении долгой публичной возни и споров всех со всеми он был демонтирован и удален с глаз долой, но с этого момента площадь вдовствовала, потому вскоре ей в утешение подарили забористые «Калитки».

Осень

Составляют становой хребет города «сталинки», перемежающиеся редкими «хрущевками» и четырьмя деревянными двухэтажными зданиями. Одно из них в лихие годы по чьей-то злой воле планомерно, поэтапно горело, так что остов фундамента, фрагменты стен да протыкающая небо печная труба долго стояли экспонатом бомбежек военного времени. Казалось, песенка бревенчатого крепыша спета и быть здесь торговому центру! Однако загадочная судьба распорядилась иначе. Благодаря архитектору с именем, созвучным древнегреческому герою Орфею, и заинтересованной публике остатки строения были законсервированы, долго томились в ожидании, потом стояли в жестком строительном объятии лесов, а теперь здание возродилось, буквально как Феникс из пепла...

Сбегают по наклонному проспекту неприступное здание университета, смотрящая китовым усом гостиница со щербатыми, как от следов шрапнели, колоннами, колодец Дома правительства, гипермаркет, разлегшийся на целый квартал и стоящий на сваях, вколачивание которых вызвало эффект землетрясения: из-за него ветвистые трещины поползли по стенам близстоящих домов. В скверах полощутся фонтаны, подмигивает зайчиками стеклянная пирамида, венчающая подземный торговый центр. Да, дорогой читатель, город пережил моду на водяные струи, 3D-фигуры, а также на деревянное зодчество в виде тракторчиков, харчевен, бунгало, навесов и других едален, поветрием занесенных, им же сметенных.

«Помещичий» особняк, служащий ныне Дворцом бракосочетаний и хижинкой разводов, выскакивает из-за бетонно-серой, растянутой гармошкой мэрии, миновав которую, вы наконец планируете на простор благословенного залива, уходящего, как море, за горизонт. Он – глаза города, то ясные, сияющие летом, то подвижные, буйные весной и осенью, то спящие зимой, – обезоруживает своей первозданностью, незабываемостью и живостью.

Столица, как купальщица, подходит к озеру, располагается близ него, подкрадывается, осторожно и редко совершая омовения в студеной воде, а выглядит красавица как изысканно, так и по-обывательски, даже модернистски – на любой вкус. Выбирайте! Ее рисовали Энгр, Сезанн, Ренуар, Дейнека, Пикассо...

Три обстоятельства делают наш город замечательным: длань Петра Великого лежит на нем, находится Петрозаводск в дальнем подбрюшье Северной столицы и стекает к живописнейшему озеру – второму по величине в Европе.

Белые кучевые облака на ярко-синем небе вылядели как аппетитные меренги, хаотично разбросанные по васильковой скатерти. В просвете между ними внезапно появилась разноцветная полоска радуги: нежно-розовая, салатная и фиолетовая дуги играли, выцвели и растворились в сияющей белизне взбитых воздушных сливок. Подлетел голубь и озабоченно стал расхаживать взад-вперед, то приближаясь, то удаляясь от меня, двигаясь зигзагами, непрерывно что-то склевывая у самых ног. Выглядел жалко: был худ, с запачканной грудкой – искал, наверное, еду в мусорном баке на помойке, – в одном крыле не хватало пера. Я размяла кусочек пирожка и незаметно посыпала крошки у самых ног. Он принялся жадно клевать. Из-за опор скамейки, моих скрещенных ног и стоящей на земле сумки голубь был не виден другим прожорливым летунам.

– Клюй, клюй, насыщайся, пока твои собратья не прилетели.

Я все подбрасывала корм. Он безостановочно клевал, торопясь как можно больше проглотить. Зоб, загружаемый впопыхах, сместился в одну сторону, отчего птица казалась перекошенной, как отражение в кривом зеркале. Голубь выпрямился, вытянул шею и судорожными усилиями стал проталкивать заглотанные крошки, распределяя их в зобу. Успешно справившись, он принялся за прежнее. Опять вспухла часть зоба.

– Ну и оголодал же ты, меньший братец!

Теперь его заметили – к нам спланировало еще несколько голубей.

Он все клевал и клевал, равномерно тюкая асфальт, пока зоб не стал заметно выпирать. Голубь остановился, забил крыльями, тяжело поднялся в воздух и низко полетел вдоль набережной.

– Хорошо. Заснешь сегодня сытым, – сказала ему вслед.

Еще недавно в приозерном парке остро пахло скошенной травой, ветер разносил соблазнительный запах шашлыка, играла музыка, вращались карусели, мерно двигалось колесо обозрения; свист, скрежет, громохание, тархтение, гул перемежались мерными переливами человеческих голосов: детским гомоном, повелительными вскриками взрослых. Пахло конским потом, как экзотические киви лежали на тротуаре кучки лошадиного навоза. Пони, разукрашенные плюмажами и вплетенными в гриву и хвост разноцветными лентами, катали малышей. Любители постарше садились на коней и медленным аллюром

уплывали в осенний парк. По набережной снова ли велосипедисты и роллеры, шуршали шины и шипели ролики, бесшумно двигались самокаты; фланировали нарядные парочки, разнокалиберные стайки туристов глазели на скульптурные группы под открытым небом.

У пристани было оживленно: открылись ларьки сувениров, билетные кассы, магазинчики туристических товаров, ресторан с террасой. Поодаль отчаянно купалась молодая парочка. Стриженный по моде пудель изящно перебирал тонкими лапками, вставая в балетную позу, золотистый ретривер, выполняя команду «апорт», с повторыемостью маятника доставал палку из воды, молодая такса в драной попонке, шныряя по кустам, уравнивала движения юркого тела мотанием крысиного хвостика. Мужчины-здоровяки с карманными собачками в подмышках выгуливали своих расфуфыренных дам.

А теперь похолодало. С севера наплзла на ясную лазурь неба сизая хмарь, заглотила солнце. Потемнела и помутнела вода залива. Побурела от холодного дыхания листва деревьев, поредели их пышные уборы: первые палье листья перхотью усыпали парковые тропинки-проборы. Кое-где еще полыхали ярко-лимонным цветом ясени и вяз, зеленели осины, петушиной раскраской щеголял боярышник, прозрачная, шитая золотой нитью вуаль покрывала березы (только что накинута золотшвейки и стоят поодаль – любят); в костюмы арлекинов одеты были клены, в пушистых нежно-зеленых с кремовой опушкой пелеринах до пят стояли лиственницы. Пончо, кардиганы, палантин, накидки, плащи, пышные и строгие, одноцветные и пестрые, дамские и мужские, бедные и богатые, – туалеты всех эпох смешались в карнавальном шествии осени. Среди лиственных роскошных, но призрачных богатств глубокая мрачная зелень елей говорила о сермяжной правде жизни и ее грубом конце: еловым лапником накрывают могилы, из них делают суровые венки и возлагают у Вечного огня, их высаживают у воинских мемориалов, в местах захоронений.

Наряды сливались в одну ярко костюмированную, фестивальную, переливающуюся многоцветьем толпу, то взбегающую на холм, то опускающуюся в долину, то располагающуюся по берегам реки, впадающей в залив, то уходящую к озерным островам и лесистому склону дальнего побережья.

Из-за многовековых вязов, лиственниц и лип выглядывало пустое крутящееся колесо обозрения – готовый символ, рождающий банальное сравнение с бессмысленностью и безнадеж-

ностью беличьего колеса жизни. Я спорила сама с собой.

– Смерть красива!

– Б-р-р. Она страшна, уродлива и ужасна!

– Посмотри вокруг: как обворожительна осень!

А ведь это красота смерти: угасают цветы, трава, листва, вызывая наши восторги. Мы гуляем по городским паркам, проходим скверы, бродим в лесу, любясь умиранием!

Я подхватила сонного осеннего шмеля краем шали и сбросила на газон, то же проделала с жирной фисташкового цвета гусеницей. Дождевые черви и улитки, дурашки, постоянно ползут на асфальт, где погибают, раздавленные подошвами и каблуками людских сапог и туфель, шинами велосипедов и колясок или просто устав и обессилив от твердого покрытия. Странное дело! Улитка, которая ползет по лесной тропинке, вызывает умиление. Нежная мягкая субстанция, одетая в изящный панцирь цвета оникса, торчащие трогательные рожки. Ты откидываешь ее носком ботинка в траву, чтобы не погубить хрупкое проявление жизни. Но те же улитки, собранные в ведро, – грязная масса, омерзительная, копошащаяся, склизкая, коричнево-серая, которую хочется уничтожить, чтобы вид ее не оскорблял взора.

Такие же чувства вызывает человек. Мне представились скопища обезображенных людей с оживших картин Босха: шевелиющиеся, с открытыми ртами, перекошенными лицами, слепые, безносые, безволосые, в нелепых, несуразных позах, с отвратительными, изуродованными телами, безрукие и одноногие, туловища-обрубки, горбатые, со следами проказы и язвами. Смерд, стон, давка, мука меж ними. Бац! Изящный взмах руки, или щелчок, или стук костяшками пальцев – и их нет. Просторно, тихо, свежо. В толпе с потерей индивидуальности человек превращается в часть мясокостной массы, с которой легко управиться, даже хочется насильственно избавиться от нее. Каждый в отдельности может быть интересен и по-своему красив, а вместе люди подобны безумному скопищу паразитов или колонии двуногих хищников. Безотрадно, но так думалось.

Придя домой, я включила радио. Во Всемирный день учителя ведущий принимал звонки слушателей с поздравлениями. Вот родительница делится впечатлениями. «У нас прекрасная учительница началки, очень простая, родная, все по-свойски. Ее зовут Анна Юрьевна. Дочка приходит из школы и рассказывает:

– Наша учительница позволяет нам ее называть

Анна Хрюньевна. А мы ее маленькие поросятки. А здороваемся мы так: «Хрю-хрю». Вот такая мерхлюндия получается.

– Отлично, – радостно щебечет радиоведущий, – побольше нам таких учительниц, мы ее поздравляем! Давайте послушаем классную песню.

Что ж, вполне созвучно моим мыслям.

Неожиданно потеплело. Туман поработал кистью художника-сюрреалиста: сгладил очертания строений и мостов, заретушировал перспективу уходящих вдаль проспектов, улиц и аллей, растворил дороги, замутил свет фар и рассеял пламя фонарей, мертвенным полотном занавесил лица и фигуры прохожих, скверы домов, клумбы, газоны, превратил небоскребы в одноэтажную застройку.

Под вечер я вышла на прогулку, спустилась к заливу Онежского озера. Дошла до окончания набережной, где река Лососинка, перекачиваясь через валуны, исходила бурунами, шумно плескалась о прибрежные камни, собирала и гнала мелкий древесный сор в залив. Вдоль нее деревья стояли бальными парами, а дальше – сбегающей к речному потоку гостевой толпой, ряженой, любопытной, пестрой. По воде скользила стайка попрошаек-уток, в тихой заводи стояли пришвартованные яхты и катера, вдалеке виднелся грузовой причал, баржи, высились портовые краны.

Ближе к ночи стала сеять морось. Я отправилась вспять. Свежий ветер обвевал тело. Водяная пыль ложилась на лицо, застилало глаза, ноги скользили в потемках по мокрым плитам. Навстречу плыли огонек сигареты, фонарь велосипеда, мигающий свет собачьего ошейника. Они разрезали тьму и поглощались ею. Таинственно возникали и пропадали в ночи одинокие и парные силуэты, едва угадывались очертания берега и набережной. Оком циклопа сиял одинокий свет на противоположном берегу залива. Драгоценным браслетом со сверкающими камнями улегся небольшой отрезок побережья – соломенное истекло светом частной застройки. Сам залив растворился в тумане.

Из Петровского сквера открывался женственный изгиб набережной. Издалека ротонда казалась гигантским пауком с белым надутым брюхом и слоновыми ногами, полосатой зеброй выскакивала многоэтажная гостиница, едва угадывались очертания отеля, стилизованного под замок. В темноте сгущались, чернели стволы деревьев (чернее тьмы), белели в свете фонарей розетки берез вокруг памятника Петру I с указующим перстом, направленным в землю: «На твер-

ди стоим и будем стоять!» Отсюда, от скульптуры XIX века в стиле классицизма, начинали шествие призрачные химеры авангардного искусства. Перепрыгнув через полтора столетия, я вымученно погружалась в эстетику модернизма.

Аллея современного творчества демонстрировала минимализм средств и фантазии ее создателей. Меня встречала анатомированная парочка рыбаков с исковерканными, уродливыми формами, запечатленная в порыве рабочего и колхозницы; из тумана выглядывала инвалидная безлиственная береза с обрубками ветвей и корнями сосны; тянулись к небу сплюснутые женоподобные силуэты, как будто неоднократно проглаженные асфальтовым катком; выскакивали из темноты обезумевшие длинные жерди с зазубринами, остриями и замысловатыми приспособлениями, – то ли хирургические, то ли пыточные инструменты (что одно и то же), от одного взгляда на которые начинались мигрень и зубная боль; выростала расстрельная стена с зияющими отверстиями от пуль; подпирали небеса две дылды, поставленные на попа, с расшнурованными и клубящимися нитями, которые вот-вот заискрят; неправдоподобными частями скелета торчали стальные ребра-скобы; почил то ли тюлень, то ли русалка, заблудившиеся в столбиках.

Жерла декоративных пушек телескопами смотрели на другой берег. С них и бабушкиного кошелька на защелке из шарикоподшипников начиналась галерея менее диковинных экспонатов: вот ладья с воином, у кузницы-мастерской деревянные скульптуры рыбака с золотой рыбкой, кантелиста, героев «Калевалы», а дальше любовная и рыбная темы.

Как-то, будучи в командировке в Москве, я специально поехала на Крымский Вал, чтобы посмотреть картины художников-авангардистов, и прежде всего картину Малевича «Черный квадрат». Долго сидела напротив нее. Всмотривалась, как вслушивалась в пьесу Джона Кейджа «4' 33». Подбиралась ближе, утыкалась носом, изучала в разных ракурсах. Она ожила для меня: проступил холст, видна была сеточка изящных трещинок, мазки краски, чуть-чуть вздернутый правый угол. Почему художник многожды изображает квадрат (живут четыре варианта картины, не считая рисунков)? В наше время он стал визитной карточкой Третьяковской галереи, наверное, в угоду моде на авангардное искусство. А кто его понимает? Всё и ничто. Изначальная форма и цвет, которые отыскал художник. Супрематизм. Может, картина символизирует людской фагоцитоз в XX веке? Человек, видя,

чувствуя твою беззащитность и немощь, пожирает тебя, и ты уже черная дыра или квадрат, или еще какая бесплотная геометрическая фигура. Homo homini lupus est.

Я направлялась по всегдашнему маршруту: с набережной Онежского озера по проспекту Карла Маркса через площадь Кирова (ее по праву можно было бы назвать площадью искусств, в том числе культовых: в ее обойме три театра и два музея, а рядом с театром оперы и балета ведутся раскопки оброненных в революцию храма и часовни) к Вечному огню и Губернаторскому саду.

По левой стороне лоханью покоилась темная угрюмая Ямка, окаймленная Млечным путем – игривыми огнями жилой застройки. Над ней висела, как отмеренная, половина луны, чуть-чуть замутненная, расплывшаяся на срезе. Золотой купол кафедрального собора на фоне красных, канареечных и белых панельных многоэтажек выглядел белым грибом среди поганок. Вдалеке возвышался оранжево-фиолетовый модуль торгового центра. Вблизи блюдец лежал стадион, проткнутый спицами осветительных мачт.

По правой стороне вдоль проспекта тянулись «сталинки» с архитектурными излишествами: фигурными фронтонами, башенками, порталами, эркерами, декорированными карнизами, литыми узорчатыми решетками балконов.

Я прошла здание с повторяющейся декоративной композицией, изображающей вазы и рога изобилия со струящимися лентами цветов и с двумя советскими символами – серпом и молотом крест-накрест и пятиконечной звездой в рамочном обрамлении, схожей с государственным знаком качества. Теперь в подсветке они напоминали музейные экспонаты – барельефы древних цивилизаций. Минула унылое с серо-пластинчатым фасадом строение-перевертыш, капризно менявшее названия: универсам, универсам, торговый дом «Карелия»; затем здание МВД, перед которым на постаменте из черного гранита возвышался орел, прилетевший из Кавказских Минеральных Вод и замерший в странной, неестественной позе с задранной и отставленным в сторону хвостом – то ли взлетающая, то ли, пардон, какающая птица. Огни светофора отражались от лаковой поверхности постаментов, отчего он становился попеременно зеленым, желтым и полыхающим огнем преисподней, охваченным языками пламени, багровым с разводами – вспомнилось, как правоохранители, набычившись, выдвинув нижнюю скулу, с брутальным выражением лица выдыхают: «Работаем, ру-

ки по локоть в крови». Это не свет светофора, это тоска, желчь и кровь виновных и безвинных, покалеченных и умерщвленных, героев и изгоев, калифов на час, авантюристов и мошенников разного пошиба. Ведь в сражении добра и зла, тьмы и света кровь льется рекой, страдают и погибают стоящие как по ту, так и по другую стороны.

На дороге размокал и кис рассыпанный гербарий. От дальнего светофора тянулись и добежали до меня сменяющиеся полосы зеленого, желтого и красного цветов. Ступая на зеленую дорожку, я говорила: «Путь свободен!», на желтую: «Будь осторожна!», когда загорался красный, то по тротуару тянулся кровавый след, и я останавливалась: «Зло рядом!»

Угольный дом, разлинованный фасадными пилястрами и усеянный орнаментальными деталями, как небо звездами, в полыхании огней, подобном театральным рампам, клином подползал к площади. Административные здания изогнулись желтой подковой, посреди которой на сером камне стоял спиной к буржуинским гостинице и ресторану, торговым центрам и рынку могучий вождь. Возвышаясь глыбой на пяти призмах, последняя из которых символизировала трибуну, опираясь на нее правой рукой, он левую, в которой зажал российский бренд – шапку-ушанку, – завел в сторону, готовый вскинуть ее в запале речи. Свободная от волос голова, выпуклый шишковатый лоб, борода. Лицо вытесано из гранита с большим портретным сходством – узнаваем. Его застигнутая в движении фигура указывала на Вечный огонь, завод (теперь жилую застройку) и дальше в неведомую даль. Каменные глаза смотрели, как флаги трепыхались, бились, маялись под ветром, как его порывы плющили желтые струи огня, вырывавшиеся из сопла пятиконечной звезды, пригибали их к земле, а они, воспрянув, неистово металась и лизали влажную черноту ночи. Языки вечного пламени были ненасытны, тянулись вверх и жадно слизывали то капли дождя, то растерянные, пляшущие снежинки.

Крыльями чайки, или, если хотите, плюхнувшись тупиками, распахнулись навстречу вороту Губернаторского сада. Он был огранен купеческим забором с монументальными кирпичными стойками, межующими кованое кружево решеток. В парке недавно были вырублены старые деревья, а аллеи засажены соснами, березами и лиственницами, отчего он, обновив туалет, изрядно помолодел. Внутренности сада состояли из стандартного, октябрятско-пионерского набора: игровая детская площадка (песочница, вертушка, качели, горки, турникет), рядом – с гигантскими запрокинутыми сачками баскетболь-

ный корт, зимой превращающийся в каток, танцевальная студия.

По правую сторону вырастали в отдалении ба-
рачного вида двухэтажные дома, судя по пластико-
вым окнам, сайдингу, перекрытым заново крышам,
не подлежащие расселению. Они были отделены
от парковой аллеи деревянным забором, местами
завалившимся, на котором большими разрисован-
ными буквами было выписано: «Сила в команде»,
что можно было понимать, как мы здесь стояли и
стоять будем, несмотря на ваше развратное и пов-
семестно рекламируемое строительство, которое,
как чумная эпидемия, охватило всю страну. Зараз-
ная бацилла расселения распространилась среди
горожан и поразила их жилищными кредитами. Мы
не переедем в ваши студии, эконом-разэконом уг-
лы-апартаменты многоэтажек «Небеса»,
«Тру-ля-ля», «Тополя». Я разделяла их настрой. Но!
В 30-е годы в городе были построены деревянные
бараки без удобств, они использовались в Вели-
кую Отечественную войну оккупантами под гетто,
где содержались тысячи людей, в основном славя-
не. Было семь концентрационных лагерей. Доща-
тые бараки, грязные и холодные дома с печным
отоплением, стоят и по сей день. Уж лучше много-
этажное строительство!

Чуть поодаль от барашек-деревяшек сохранил-
ся бревенчатый одноэтажный дом с палисадни-
ком. Окруженный каменными несокрушимыми
монстрами, он казался беззащитным в своей де-
ревянности, но стойким и лучше сохранившимся,
чем когда-то торжествовавшая здесь коммуни-
стическая идеология. И еще один через дорогу,
вызывавший умиление, – одноэтажный до-
мик-крошка в три окна с иллюминированной вы-
веской: «Праздник. Маркет». Живем и бизнес де-
лаем. Дороже мне были эти более гуманные
постройки, где человек ближе к земле.

За Губернаторским садом дальше вверх подни-
малась улица к железнодорожному вокзалу. Яче-
истые, как пемза, жилые дома, вспыхивали ис-
корками окон. Далеко впереди на холме маячила
телевизионная вышка в огнях цвета российского
флага. За ней расплзались по таежному лесу се-
рые микрорайоны.

Подморозило. Выпал снег. Склеились от холо-
да комья земли, задубела трава, отвердела поч-
ва. Обледенели парковые дорожки, забелела
окантовкой брусчатка, морозцем прихватило лу-
жи, ставшие ломкими. Безвольно свисали редкие
волосяные пряди хрупких березовых ветвей.
Среди обнаженных деревьев только молодые
лиственницы стояли в шафранной опушке да зе-
ленели сосенки.

Вскоре потеплело – зима с осенью играла в до-
гонялки. Подул юго-западный ветер, пригнал дож-
девые тучи, и ухнул дождь. Небо, выполосканное,
подсиненное и натянутое для просушки, висело
над головами горожан; омытые деревья, омытые
тротуары, газоны, площади, монументы и фонари
блистали чистотой. Сияла набережная, покоилась
водная гладь залива, как натертый до блеска пар-
кет дворцовых залов. А вот на тротуарах, сколько
бы их ни одевали в асфальт, от дождей неизбежно
появлялись лужи (гоголевские, бессмертные!).
Лужа грешит с небом и облаками, окунувшись
в нее, улыбается солнцу, утопающему в ней, отве-
чает ветру, прогуливающемуся по ней зыбью. Она
поиграет пузырями в дождь, затянется скорлупкой
льда и замерцает в лунном свете, заснет зимой,
убаюканная метелями и воем ветра; в луже отра-
зится звездное небо и бесконечная вселенная,
ближайший куст и кроны деревьев; она располне-
ет от дождя и снега, примет в себя травинки,
пылинки-соринки, всякую грязь и даже твой пле-
вок, усохнет, выпитая жарким солнцем, очернит
твои непоседливые и неряшливые стопы, чмокнет
повыше ног невзначай, расплескавшись и взлетев
под колесами лихого ездока или каблучками его-
зы. Лужа, в переменчивой, прихотливой, каприз-
ной форме, возникнет из ниоткуда и исчезнет в ни-
куда. Да здравствуют вековечные лужи!

Из ворот Губернаторского сада выпорхнула
стая подростков. Одна из девочек пытела
электронной сигаретой. Ее подружка, метр с кеп-
кой, в нетерпении просила, канючила, повиснув
на руке курящей:

– Дай мне подымить, ну дай!

– Не дам.

– У-у-у. Сука! – беззлобно выкрикнула
маленькая.

Померкло сияние дня, потемнело сиреневое
небо.

Зима

Тихо сыпал мелкий мягкий снег. Он замутил
свет уличных фонарей, припорошил сосны и
лиственницы, очертил белыми полосами силуэ-
ты черно-бархатных мокрых деревьев, нежно лег
на парик, плечи и руки, эфес шпаги и ботинки по-
эта и первого олонецкого губернатора, первоз-
данной белизной покрыл призмы постамента и
его бордюры. Державин стоял с развернутым
свитком в руках, как будто выкликал или призы-
вая прохожих. Входя в парк, ты, следуя зову, по
воображаемой ковровой дорожке из малинового

кварцита, чуть-чуть спотыкаясь о брусчатку, приближался к нему, вглядываясь в застывшее бронзовое лицо царского вельможи, силлившегося тебя образумить, предостеречь, передать одному ему известную весть.

От снега посерели стволы берез, но побелели парковые скамейки. Пуфиками и банкетками стояли рядом с ними урны. В прогалине между деревьями резвились тонконогие, как лани, в огненных ошейниках доберманы, носились торпедами, взрывая снег, почти безлапые корги, важно сопели, топя по целине, умело замаскировавшиеся под летучих мышей лопающие французские бульдоги. Копшились на детской площадке одетые в комбинезоны-скафандры малыши, напоминающая американских астронавтов на Луне, только уменьшенных до размера лилипутов.

Снег ласково колот лицо, оставляя мокрые капельки, звездочками лепил узор на стеклах очков, бережно опушал складки одежды. От белизны стало празднично, а от заполненного снегом пространства уютно. Редкие прохожие шли не торопясь, невольно любуясь снежным преображением, весело приветствуя памятник.

За парком выла, надрывалась, разрывала воздух сирена скорой помощи, звуки ее отдавались в многочисленных дворах, и казалось, что сотни медицинских карет несутся по улицам утомленного, засыпающего города. А здесь, в Губернаторском парке, царило безмолвие зимы, остановилось от холода время, снегом укрылись земля и деревья, избавившись от скверны люди. Девственно чисто, свежо, бело. Здесь не верилось в хворь, немощь, старуху с косой. Среди этой тишины и красоты не оставалось места страданию. Пусть там, где-то в отдалении, на краю жизни-смерти, стонут и мечутся, скрежещут от боли и источают проклятия, исходят в крике и бьются в агонии тела. А здесь радостно, светло, торжественно.

Выпавший снег застыл на земле и остался лежать. По нему разбежались собачьи следы, цепочки петляли птичьи трилистники, нитями пролегли бороздки от грызунов и вмятинки от кошачьих подушечек. Позже появились приметы глубокой зимы и запоздалого язычества – снеговика. Два лихих подростка в темноте парка сооружали нечто. Я присмотрелась. Уже колом с набалдашником возвышался мощный нефритовый стержень, к нему был приставлен яйцевидной формы снежный ком, который любовно оглаживал один из парней, второй шар катал его лохматый приятель. Из снега они лепили мужской детородный орган, хихикая, с азартом, ощущением недозволенности, неприличия. Смешные! Им

было невдомек, что культура поклонения фаллосу стара, как сам человеческий род. Сей предмет открыто красуется на стенах храмов, на барельефах, картинах, скульптурных композициях, даже значках; колокольни, минареты, башни и – о ужас! – пасхальный кулич – символы фаллоса.

Завьюжило, выпал обильный снег, и город занесло. Машины с низкой посадкой, завывая, хлопались брюхом о меловые завалы, выскакивали, тужась, из заносов. Вдоль парковых дорожек ослепительным пунктиром бежали фонари, обдавая теплым светом зимние декорации. Намело снежные дюны, возвышались искусственные, созданные железными отвалами барханы. На столбы ограды были нахлобучены песцовые шапки, местами набекрень, решетки в снежной окантовке картинно отмеряли пространство.

Эфемерные, серебристого шелка облака в зияющих прорехах не закрывали неба; редкие искрящиеся снежинки, как мушки, свободно роились в воздухе. Земля Губернаторского парка покрылась белокипенными холмиками, снег на ней пузырился и поднимался, как опара, по вычищенным и утрамбованным дорожкам тянулись елочными косичками следы мощных колес. Снегоуборочная машина, отсыпая отвалом снег на края тропинок, сформировала призрачные молочные траншеи. Громоздильные сугробы выше человеческого роста, парковые скамейки примостились в их алебастровых альковах; распавшиеся части снежных баб, накрытые ватным пологом, имели причудливые формы: напоминали то древние каменные развалины замков, то обвалившиеся скульптуры.

Деревья стояли с неестественно задранными вверх мраморными рукавами туник, с них свисали помертвевшие тонкие пучки седых корявых нитей-веток. Стволы берез полиняли на фоне белотелых сугробов, вязы оделись в домино, только ели и сосны, задержав иголками снег, разбухли от суровых даров, сделались величавее и осанистее. Метельный кипень оставил живописные отметины на стволах, кронах молодняка и кустах. Хвойные деревья присыпало снежной пудрой. Каждая тонкая пупырчатая веточка, каждая шишечка двухсотлетних лиственниц была покрыта морозной пылью. Одинокая прямоствольная сосна надела на макушку лилейный колпак с зеленым подбоем; черные стволы, крапленные известью, рассеялись по снежной целине. Обледенные баскетбольные сетки мотались под кольцами измочаленными бородами.

Склоны Ямки были исполосованы следами от «ватрушек», снежная целина истоптана ногами, лапами, лыжами, шинами. Безобразничали воро-

ны. На снежном покрывале они устроили пиршество – из урны вытащили и разбросали по снегу упаковки из-под сметаны и молока, обертки-свертки, кульки; освобожденные из плена мусоросборника пакеты, стаканы, коробки, мешочки суматошно катались под ветром.

«Фасад здания находится в аварийном состоянии», «обрушение лепнины» – с завидным фатализмом предрекали прибитые на некоторых зданиях вывески. Толстый обыскавшийся слой штукатурки на доме обнажил местами кирпичную кладку. Ворона приземлилась на узкий выступ, образовавшийся в месте сколов облицовки, и принялась долбить что-то мерзлое, принесенное в лапах и служащее пропитанием, отчего льдинки и пороша при каждом ударе птичьего клюва мерно осыпались. Со стороны могло показаться, что птица, как дворник, сбивает наледь с карнизов.

Чудно принарядились памятники. Перед зданием МВД снег, укрыв свирепое оружие, превратил орла в белую сову. Известный выдумщик-кютюрье, космополит и интергендер устроил карнавал для великих, отлитых в граните и бронзе. Губернатор и первый министр юстиции Державин стоял в белой папахе на голове, сползшей и закрывшей пол-лица; снег насыпал, а мороз закрепил на нем роскошное широкое боа из белого песка на плечах и муфту на руках, эфес шпаги венчал помпон, а ноги утопали в снеговой перине. Скоморошничал деятельный мечтатель – Ленин. Памятник напялил тюбетейку, балаклаву с узкими прорезями для глаз, нагрудник, какой надевают малышам при кормлении, наградную ленту, накидку, царственно струившуюся шлейфом за спиной. Он же, затейник, скрыл Карла Маркса и Фридриха Энгельса, уютно окаменевших на скамейке рядом с остановкой, так что они стали невидимками, неузнаваемы, превратились в один заснеженный стог, осуществив недавнюю мечту либералов-реформаторов. Памятник Кирову, которому досталась целая площадь, выглядел двусмысленно: ермолка на макушке, серьги в ушах, генеральские лампасы на брюках-галифе, погоны и нашивки на рукавах. Больше всего преобразился Петр I, превратившись из императора в пирата. Посудите сами: стоит на корабельном винном бочонке, на голову натянута бандана, надеты пиратский камзол и ботфорты, снежная опушка по изящным линиям литья смотрится как разбойничьи побрякушки, в руках зажат кинжал. А вот памятник Куусинену, грубо тесанный, из гранитных углов и ломаных линий, всего лишь нацепил кепку и сменил пиджак на полупальто.

Холод усиливался день ото дня, накрепко припаяв к героям снежные обновки.

Наступили крещенские морозы. В небе висело расплавленное серебро солнца и одновременно проглядывал кошачий коготь молодого растущего месяца. Слюдяным блеском мерцал под их свечением иссиня-белый снег.

В свете зимнего солнца черным пеплом костра беспорядочно и бесшумно металась над верхушками деревьев ворона. К вечеру ослепительное сияние снежной равнины постепенно сменилось на сизую мглу, потянулись гигантские тени от домов, деревьев, столбов, набухшие бело-розовые облака на горизонте замерли стаей фламинго. Лучи низкого солнца обняли купол кафедрального собора, отчего он вспыхнул золотым румянцем, перебрали стволы деревьев, поласкали заросли кустов, погладили фасады домов и укололи их в стеклянные глазницы, ярко полыхнувшие в ответ, ущипнули до слез глаза прохожих, пощекотали облака и упокоились в бездне горизонта. Кружившие над парком птицы разместились на деревьях, словно камни на праще. Юный месяц стал соревноваться в белизне с лежавшими на земле грудами снега.

Вслед за морозами пришла оттепель. Снег осел, стволы деревьев стали одинаково черными, потеряв снежные отметины. Оплыл наст, сгладив острые очертания, смягчив формы. Затекли впадины, расплылись следы, округлились сугробы и заносы, тротуары стояли в шуге, как речки в половодье.

Ветер забрал белые дары, смел непристойные украшения с памятников, оборвав костюмированное представление. Теперь только ели и сосны стояли раскрашенные в горошек и полосочку, крапчатые, меченые. Снежные бабы разрушились, кроме одной, бочкообразной, грудастой, которая возвышалась посреди развалин. Крепости, сфинксы, юрты, слепленные из мокрого податливого снега, растеклись в бесформенные кучи.

В сквере у кукольного театра недалеко от арт-объекта «Расставим точки над А» мелкий зверек резво проскочил через утоптанную тропу, застыл на снежном насте – по дороге семенил пешеход. Я, заметив животное и уже догадавшись, кто это мог быть, подкралась к нему с тыла. Запертая между двумя прохожими, крупная крыса метнулась к лунке из снега, подтявшею вокруг дерева, и замерла. Я метко кинула в конус снежок, и крыса взлетела вверх по стволу, спряталась в развилке ветвей, только мордочка выглянула посмотреть: не ушла ли? нет?! Меня

раззадорила столь вызывающе наглая со стороны крысы встреча.

– Давай поиграем в снежки!

Новый ком попал в крысу. Она отвалилась от дерева и стремительно поскакала в другое углубление, затаившись там. Так зверек и бежал от ямки к ямке, прыгал со ствола на ствол под градом моих снежков, пока не скрылся в сугробе под первой буквой алфавита. Спасительный стрит-арт, однако.

– Эх, крыса, ты стала первой приметой весны в этом городе у воды, который для людей, а не для грызунов!

Крыс расплодилось несметно. Их утопанные веревочные тропы тянутся по снегу в мусорные баки, гаражи, подвалы, сараи. Крысы пересекают улицы и дворы, шебуршат в урнах и на помойках. Их выглаженные трупки лежат на дорогах, мертвые тушки валяются по обочинам. Впору родиться новой примете: если крыса перебежала дорогу, то это добрый или злой знак?

Весна

Теперь весна с зимой играла в ляпы: то выпадал снег, то бежали ручьи, то срывался снежный дождь, когда на деревьях посветлели набухшие почки, то возвращались морозы, когда уже зеленела трава. Началось половодье. Днем тепло, как из носа при простуде. Безудержно. А к вечеру подмораживало, и на мокрый асфальт высыпали мириады звезд. Я скользила по бархатно-черному, южному небосводу в радостном предощущении неизбежного тепла.

Ранняя весна являла контраст неба и земли. Над головой – улыбающееся синевое белозубое небо, слепящее солнце, а под ногами и до горизонта – мрачно-серые тона, переходящие от белесого через серебристый и стальной к черно-серому: темная блеклость хвои, обнаженные мышиного цвета стволы в серой дымке ветвей, сырая земля с мертвым листом и вылинявшей травой, укрытая ими, как старым тряпьем. Казалось, что даже запах грязного снега, мокрых деревьев, оттаивающей почвы был сереньким. Только березы в родимых пятнах, снова белизной соревнуясь с опорами ограды, взбегали, словно стайки молодых далматинцев, по склону. Вскоре расширили цветовую гамму серо-черных оттенков пронырливые серо-бурые дрозды и аспидно-черные скворцы.

Вдоль дорог угольно-черный, спрессованный снег лежал холмами, как на шахтах. Брошенные на обочинах машины, выпаренные весенним

солнцем из снега, оттаяли и явили свету свои ржавые члены.

По утрам, раздвигая шторы, я видела пепельное небо и его же опрокинутое отражение на проснувшейся мертвенно-серой земле, на свинцовом асфальте дорог и тротуаров, на сизых коробках домов, на землисто-серой пушистости кустов и деревьев, в мглистой влажности запыленного воздуха – вот оно, царство Мышиного короля! В голубовато-дымчатую даль уходили казарменно-серые многоэтажки с крышами цвета золы, каменные клешни опор освещения и светло-серые коромысла электрических столбов.

Чумазные улицы умывались потоками льющей с неба воды, смоляные сугробы расползались, таяли, напитывая влагой землю газонов, маслянисто блестя ветки молодых берез, лип, ольхи, надраенные весенним дождем. Засохшими новогодними елками стояли лиственницы, усыпанные помертвелыми шариками-шишками.

Гигантский гребень прошелся по паркам, газонам, Губернаторскому саду, собрав в немалые кучи прошлогодний мусор: лиственную перхоть, волосяные пряди ветвей, мелкий сор эпидермиса земли. Обратную работу проделывал ветер, играя с копнами, развеивая их, устраивая пылевые бури из песка, гравийной крошки и сухих листьев, кружа их в танце мертвых.

Сначала к соломенно-шоколадной земле прирешался цвет зелени, и вдруг показался изумруд травяных игл. Они топорщились, как редкие волосики новорожденного, пробиваясь сквозь мертвые останки прошлогодней травы. Черемуха и береза, тополь и сирень, обсыпанные почками, как пшеном, выпустили из них коготки. Верба заиграла юным золотистым пушком. Серая дымка деревьев готова была смениться на нежно-зеленую вуаль. Еще чуть-чуть и... Внезапные поздние холода задержали мгновение. Все растущее замерло в ожидании.

Сколько веревочке ни виться, а конец будет! Весна, как молодая девушка, чистая, с прозрачным абрисом незавершенных форм, светлыми и неяркими красками, тонкими ароматами, теплым ласкающим дыханием, полутенями, полутонами, легкими движениями, очаровывает. Покрылась кисточками лиственница, опушилась белоснежными гроздьями черемуха, вдела сережки ива; акация раскрыла ладошки листьев, как будто младенец разжал кулачки, освободив нежные пальчики, последней проснулась липа, показав нефритовые бутоны. Один миг, и девушка стала женщиной: краски сгустились, зелень потемнела, запахи стали сильнее и грубее, воздух жарче и

суше, звуки мощнее – очарование ранней юности сменилось буйством молодости.

Голубь-интроверт гуркал и кружился под пышным кустом сирени в полном одиночестве – отрабатывал приемы обольщения. Крапчатый дрозд, проскакав несколько метров, резко вспорхнул, треща, и низко пролетел над землей, пропав в ближайших кустах. Было безветренно, закатное небо с разметавшимися, перистыми облаками окрасилось вначале в нежно-розовые, бледно-лиловые, пастельные тона, затем они сменились на более насыщенные, постепенно растворившись в потемневшей сирени неба. Воздух был напоен влагой, духовитостью свежей травы и распустившейся мать-и-мачехи. Пахла оттаявшая земля, освободившаяся от снега. Дуновение ветра приносило ароматы мокрого речного песка и земли, бегущей, струящейся воды, каких-то прибрежных трав, выросших гривами на кочках, острый запах смолистого тополиного дуэта.

Я спустилась в Ямку и оказалась на лужайке с ровно постриженной травой и аккуратно расставленными валунами – местный Стоунхендж. Мимо меня пролетел мячик, и, напрягаясь, пружиня, проскочила маленькая, белая, в рыжих пятнах, собачонка. Обернувшись, я увидела стоящую рядом с парковой скамейкой детскую коляску, а поодаль супружескую пару. Особенно хорош был молодой мужчина с голым накачанным торсом, бицепсами, выпирающими икроножными мышцами. Он прохаживался взад-вперед, играя мускулами, поводя плечами, подбирая мячик и сильным взмахом руки бросал его как можно дальше. Возле него замерла полная неказистая женщина: выдавалась большая грудь, обвисший живот, расплывшаяся талия. Я пересекла лужайку и присела на скамью. Смотрела, как картинно стоит мужчина, красуется. Ни к селу ни к городу подумала: «Он будет ей изменять». Неожиданно пятнистая собачка, отыскавшая мячик, развернулась, подбежала ко мне и положила шарик к моим ногам. Подняв в недоумении плечи и разведя руками, я обернулась к мужчине. Он озадаченно хмыкнул и покачал головой. Что ж, нагнулась, взяла обгрызенную, заслюнявленную игрушку и бросила ее к камням, выговорив собачке-карапузу: «Дурашка, неси туда, где тебя кормят».

У моей скамейки гнезвился черемуховый куст, от которого далеко разносилось удушливое, медовое благоухание. Я притянула к себе веточку пахучей белоголовой молодухи, окунула нос в гроздь с капельками лепестков, вдохнула приторно-сладкий запах. Каждый раз, когда черемуха цветет, холодает. «И зачем мы ее сажаем? По-

чему не выкорчевываем? – усмехнулась про себя. – Стало бы теплее».

Хрусткие цветы, муаровая трава, узорные листья каждую весну юны и свежи, а ты видишь, как новый год прибавляет тебе примет наступающей старости: вялую кожу с сетью жилок по ней, набрякшие веки, обмелевшее и склеившееся устье рта, проклюнувшиеся косточки у разветлений стоп и ладоней, набухшие суставы, усохшую развилку плеч, прореженные волосы, душистость старости.

Лето

На город обрушилось буйство света и красок. Многочисленные фонтаны ожили, заструились, зазвенели. То окутанная поволокой жара, то подернутая флером дождя, в мареве закатного солнца и в прозрачности белых ночей блистала столица.

Этим летом город обряжали. Фасады домов одевали в каркас из труб и жиденьких деревянных настилов, по которым с обезьяньей юркостью сновали маленькие человечки: зачищали балконы, красили оконные рамы с подоконниками, штукатурили стены. Божьими коровками, оранжевыми в черных пятнышках, облепили крошечные фигурки рабочих строительные леса – к столетию республики освежали фасады домов на центральных улицах города. По ним, причем по всем одновременно, будто прополз гигантский крот, вскрыв асфальт, а отступивший прилив оставил на дорогах кучи гальки и песка. Гудели, ухали и вибрировали машины, лежали зернистой осетровой икрой горы покрытия. Закатывали в асфальт, наконец, не людей, как в 90-е, а дороги, проезжие и пешеходные.

Город подкрашивали, подрумянивали клумбами, цветочными панно, разнообразили арт-объектами, граффити, как в красочных комиксах; строители свежевали прибрежную полосу по проекту «Город у воды». Мимоходом обезобразили город тротуарными вазонами шаровидной формы, сделанными из бетона и покрытыми мраморной крошкой, как лишаем. Они, серые, унылые, стояли повсюду, засаженные одинаковыми цветами, – театральные декорации провалившейся постановки.

Исчезли ларьки и стихийные рынки, слезли шелухой самодельные пристройки вместе с аляповатыми вывесками, провалились в тартарары помойки со зловонными стоками, свалки отходов; деревянный хаос частной застройки сменился разметкой шахматной доски, бытовая разнузданность обратилась в обывательский порядок. Появились новые аллеи, мощеные пешеходные зо-

ны, медиазоны, скейтборд-площадки, велопарковки, новомодные игрушки в виде стрит-арта.

Возвращались прежние названия, становясь новыми: Соборный сквер, Мариинский бульвар, Сенная, Литейная, Александровская площади, проспект Александра Невского, Конюшенная, Разъезжая улицы, Гостиный проезд, которые звенели для меня колокольчиками «динь-динь-динь, динь-динь-динь», и «этот звон, этот звук о любви говорил» к родному городу на Неве.

Кануло в Лету нескончаемое кружение в турах радости и потерь, счастья и горя, здесь, в этом городе, ставшем купелью детства, обителью юности и зрелости. Все будет вновь и в то же время по-старому, мы повторяем сами себя бесконечно до самой смерти.

Город – создание человека, а человек – животное, крайне несовершенное и даже нелепое. Он породил культуру, и она же его приукрасила и одурманила, взяла в свои тиски-сети, запеленала, вскормила, взлелеяла. В этом смысле все есть ложь, то есть человеческая фантазия и придумка. Жизнь – принудительная и очень хрупкая вещь, к тому же проживать ее больно и небезопасно. Каждый отыгрывает свою предназначенную, заданную партию, условно говоря, театральную или шахматную, оперную или карточную, какая разница? Колорит у всех разный, а суть одна: проживешь, долго или коротко, талантливо или бездарно, ярко или тускло, насыщенно или убого, и уйдешь. Чтобы вернуться за следующей? Одним словом, все как всегда.

*В жаркой купели лежа,
Истомой тела нежась,
Я понимаю брэнность
Как переход в вечность.*

*Страстно склоняя тело
Перед напором жизни,
Я раздаю постепенно
Себя на жизненной тризне.*

*Но мирозданье снова
Подарит мне человечью обнову,
А я, щеголяя привычно,
Истреплю ее, как обычно.*

Я исполню свою роль и уйду в каком-то году и в какое-то время года. А пока по радио поют браурные песни, из динамиков машин, стреноженных на перекрестке, доносится ухающее «бум-бум-бум», рядом уютно урчит кот, на стене висит все тот же натюрморт с букетом сирени на сервированном к ужину столе.

Август 2020 г.

Елена Александровна КАЛАШНИКОВА

родилась в городе Ленинграде в семье преподавателей высшей школы.

В 1984 году окончила Петрозаводский государственный университет им. О.В. Куусинена по специальности «Русский язык и литература».

Кандидат филологических наук, доцент.

Является автором двух учебных пособий, более 40 статей по лингвопоэтике, синтаксису былевого текста, лингвоэкологии, культуре речи и стилистике, методике преподавания русского языка.

Более 30 лет преподавала в вузах г. Петрозаводска.

Награждена Почетной грамотой Республики Карелия.

В 2021 году в издательстве «Версо» вышел сборник рассказов, очерков, эссе «Интерлюдии».

В журнале «Север» публикуется впервые.

